

Филип
Пулман

Шансственные расследования

Салли
Локхарт

Рубин во мгле

Глава первая

СЕМЬ БЛАЖЕНСТВ

Прохладным, ветреным днем в начале октября 1872 года к конторе судоходной компании «Локхарт и Шелби», в самом сердце делового Лондона, подкатил кэб. Из него вышла юная девушка — одна, без провожатого — и, расплатившись с извозчиком, огляделась вокруг.

Она была удивительно хороша: лет шестнадцати на вид, худощавая и бледная, в траурном платье и в черной шляпке, под которую она тотчас убрала растрепанный ветром завиток светлых волос. Ее глаза казались необыкновенно темными для блондинки. Девушку звали Салли Локхарт, и через пятнадцать минут ей предстояло убить человека.

Удостоверясь, что перед ней нужный дом, она поднялась по ступеням и вошла. За дверью начался тусклый, желто-коричневый коридор, с конторкой портье по правую руку, где пожилой человек сидел под лампой и читал «Негодяйку Пенни». Когда девушка легонько постучала в стекло, он вздрогнул и поспешно отложил журнал.

— Простите, мисс. Не заметил, как вы вошли.

— Мне нужно видеть мистера Шелби. Но он меня не ждет.

— Ваше имя, мисс?

— Меня зовут Локхарт. Мой отец был... мистер Локхарт.

Портье мгновенно просиял.

— Мисс Салли, не так ли? Как же — я вас помню!

— Неужели? По-моему, я здесь никогда раньше не бывала...

— Да нет, бывали! Лет десять тому назад, никак не меньше. Вы сидели около вот этой самой лампы, ели имбирный бисквит и рассказывали мне о вашем пони. Вспомнили? Вы уж меня простите... Очень прискорбно было услышать о вашем отце, мисс. Ужасно, когда тонут корабли. Он был истинным джентльменом.

— Спасибо вам... Я и пришла отчасти из-за отца. Мистер Шелби у себя? Можно с ним поговорить?

— Боюсь, что нет, мисс. Он сейчас на Вест-Индской верфи. Но мистер Хиггс, секретарь нашей компании, у себя. Он будет рад встретиться с вами.

— Хорошо. В таком случае я сейчас поднимусь к нему.

Портье позвонил в колокольчик, и появился мальчишка, в котором, казалось, сгустились вся копоть и сажа Чипсайда. Его куртка была порвана в трех местах, воротничок съехал на сторону, а волосы выглядели так, как будто их только что использовали для опытов с электричеством.

— Чего нужно? — спросило это явление, которое звали Джим.

— Повезливей! — сказал портье. — Проводи эту молодую леди к мистеру Хиггсу — и не глупи! Это мисс Локхарт.

Глаза мальчишки мгновенно окинули ее с ног до головы и тут же с подозрением обратились к портье.

— Вы присвоили мой журнал! Я видел, как вы его припрятали, когда вошел старина Хиггс.

— И не думал я, — неуверенно возразил портье. — Иди и делай что велено.

— Ничего, я его найду, погодите, — пообещал мальчик. — Нет у вас такого права — зариться на чужую собственность. Идемте, — добавил он, обращаясь к Салли, и вышел в коридор.

— Вы уж его извините, мисс Локхарт, — сказал портье. — Поздно поймали волчонка, теперь уже не приручишь.

— Ничего страшного, — ответила Салли. — Спасибо. На обратном пути я загляну попрощаться.

Мальчишка ждал ее у лестницы.

— Так, значит, ваш отец был здешним хозяином? — спросил он, когда они начали подниматься.

— Да, — ответила Салли. Она хотела что-то добавить, но не нашла подходящих слов.

— Он был добрый малый.

Слова были сочувственными, и Салли это поняла.

— Не знаете ли вы человека по имени Марчбэнкс? — спросила она. — Может быть, он работает где-нибудь здесь?

— Нет, никогда не слышал такого имени.

— А может быть, вы слышали... — Они уже были почти наверху лестницы, и Салли остановилась, чтобы закончить вопрос. — Может быть, вы слышали что-то о *семи блаженствах*?

— Чего-чего?

— Пожалуйста. Это важно.

— Не-а. Не слышал. — Он задумался. — Похоже на кабака или вроде того. А что это такое?

— Сама не знаю. Ничего, ерунда. Забудьте об этом! — И Салли шагнула на верхнюю площадку лестницы. — Так где же здесь найти мистера Хиггса?

— Тут.

Он с грохотом ударил в тяжелую деревянную дверь и, не дождавшись ответа, распахнул ее со словами:

— Леди к мистеру Хиггсу! По имени мисс Локхарт!

Салли вошла, и дверь закрылась за ней. Комната была полна сигарным дымом и необыкновенно богато убрана: полированная кожа, красное дерево, серебряные чернильницы, шкафы с бронзовыми ручками и хрустальные пресс-папье. Тучного вида человек в другом конце комнаты скатывал в рулон большую карту, и его лысина блестела от усилий. Впрочем, блестела не только лысина: блестели и его ботинки, блестела тяжелая золотая цепочка с масонской печатью над его брюшком, и все его лицо блестело от пота и лоснилось, свидетельствуя о долголетнем пристрастии к вину и вкусной еде.

Он покончил с картой и взглянул на вошедшую. Его лицо мгновенно приобрело торжественное и благочестивое выражение.

— Мисс Локхарт? Дочь покойного Локхарта?!

— Да.

— О моя дорогая! — воскликнул он, простирая к ней руки. — Что я могу сказать? Лишь то, как мне тяжело, как всем нам невыносимо тяжело было услышать о вашей утрате. Прекрасный человек. Великодушный работодатель. Истинный христианин. Рыцарь! Э-э... м-м-м... Великая утрата, печальная и трагичная утрата.

Она опустила голову.

— Вы очень добры. Но могу ли я попросить вас кое о чем?

— Моя дорогая!

Мистер Хиггс повеселел и принял самый радужный вид. Он подтолкнул к ней кресло и встал своей широкой спиной к камину, сияя ласковой дядюшкиной улыбкой.

— Я сделаю все, что в моих силах, обещаю вам!

— Ну, не то чтобы я прошу что-то сделать, все гораздо проще... Видите ли, мне бы хотелось у вас узнать... Мой отец когда-нибудь упоминал о некоем мистере Марчбэнксе? Вы знаете кого-нибудь с таким именем?

Мистер Хиггс глубоко задумался.

— Марчбэнкс... Марчбэнкс... Вы знаете, есть один корабельный поставщик в Ротерхите, его имя пишется Мар-джо-ри-бэнкс. Может быть, это

он и есть? Хотя я не припомню, чтобы ваш бедный отец имел с ним какие-то отношения.

— Может быть. У вас есть его адрес?

— Где-то на Тасманской верфи, — сказал мистер Хиггс.

— Спасибо. И еще. Может быть, это глупо... Право, мне кажется, я вам чересчур докучаю...

— О, что вы, моя дорогая мисс Локхарт! Я полностью в вашем распоряжении. Просто скажите, как вам помочь.

— Ну хорошо. Вы когда-нибудь слышали такие слова: *семь блаженств*?

И тут случилось что-то страшное.

Как мы уже упоминали, мистер Хиггс был крупный, упитанный мужчина; так что, может быть, не столько слова Салли, сколько долгие годы злоупотребления портвейном, кубинскими сигарами и жирными ужинами заставили его внезапно схватиться за сердце и пошатнуться, лоя ртом воздух. Он сделал шаг вперед... его лицо потемнело, пальцы рванули жилет, и огромное тело рухнуло на турецкий ковер. Одна нога лягнула воздух и отвратительно дернулась пять раз. Открытый глаз был прижат к резной ножке стула, на котором сидела Салли.

Она не шелохнулась, не вскрикнула, даже не потеряла сознания. Лишь немного отвела подол своего платья от блестящего черепа и, закрыв глаза, несколько раз глубоко вздохнула. Так ее научил отец, утверждавший, что таково лучшее средство против паники. Он был прав: это подействовало.

Когда Салли успокоилась, она осторожно встала и отступила от тела. Ее мысли были в совершенном беспорядке, но руки, как она отметила, ей повиновались. «Отлично, — подумала Салли. — Когда я испугана, по крайней мере я могу положиться на свои руки». Это открытие обрадовало ее до смешного; и в следующий момент в коридоре послышался громкий голос:

— Сэмюэл Шелби, судоходный агент. Понял?

— А не мистер Локхарт? — отвечал другой голос, как бы в некоем сомнении.

— Нет больше никакого мистера Локхарта. Мистер Локхарт лежит на глубине тысячи морских саженей в Южно-Китайском море, черт бы его побрал. Я хотел сказать: «Упокой, Господи, его душу». Замалевывай, слышишь? Замалевывай его! Только не зеленым — я не люблю зеленого. Желтым, да повеселей, с разными еще завитушками вокруг. Понял?

— Да, мистер Шелби, — был ответ.

Дверь открылась, и обладатель первого голоса явился во плоти. Это был невысокий пухлый человек с соломенной челкой и рыжими длинными бакенбардами, которые неприятно сливались по цвету с его щеками. Он огляделся вокруг и не заметил тела мистера Хиггса, скрытого от него широким столом красного дерева. Вместо этого его лютоющие маленькие глазки уткнулись в Салли.

— Вы кто? — грозно спросил он. — Кто вас впустил?

- Портье, — ответила Салли.
- Как вас зовут? Что вам тут надо?
- Я — Салли Локхарт. Но...
- Локхарт?!

Он длинно присвистнул.

- Мистер Шелби, я...
- Погодите. Где Хиггс? Он займется вами.

Хиггс! Где же вы?

- Мистер Шелби, он умер...

Шелби замолчал и посмотрел, куда она указывала. Затем обошел стол.

- Что это такое? Когда это произошло?

— Только что. Мы разговаривали, и вдруг он упал. Может быть, сердце... Мистер Шелби, можно мне присесть?

— Да, пожалуйста. Вот ведь чертова глупость! Это я не к вам. Надо же было набраться такого нахальства — умирать на чужом полу! А он действительно умер? Вы уверены?

- Не думаю, чтобы он мог до сих пор быть жив.

Мистер Шелби оттащил тело в сторону и заглянул в мертвые глаза, столь неблагопристойно глядевшие прямо на него. Салли молчала.

— Мертвее мертвого, — сказал мистер Шелби. — Надо позвонить в полицию, я полагаю. Черт возьми. Так что ж вам здесь надо-то? Все бумаги вашего отца упакованы и высланы адвокату. Тут для вас ничего не найдется.

Что-то подсказало Салли быть начеку. Она взяла носовой платок и промокнула сухие глаза.

— Я... я только хотела взглянуть на кабинет своего отца, — произнесла она.

Мистер Шелби подозрительно хрюкнул и пошел открыть дверь и крикнуть вниз портье, чтоб тот звонил в полицию. Клерк, проходящий мимо с охапкой гроссбухов, заглянул внутрь, вытягивая шею.

— Я могу идти?

— Нежелательно. Вы ж свидетель. Вам придется дожидаться, чтобы записали ваше имя и адрес, а потом явиться на следствие. И все-таки зачем вам надо было увидеть кабинет?

Салли громко всхлипнула и еще безутешнее уткнулась в платок. Она сомневалась, не было бы разумней расплакаться. Ей хотелось остаться одной и все обдумать, к тому же она начинала бояться этой свирепой любознательности. Если упоминание о *семи блаженствах* могло и впрямь убить мистера Хиггса, она предпочла бы не рисковать здоровьем мистера Шелби.

Рыдания оказались хорошей идеей. Мистер Шелби не был достаточно тонок, чтобы заподозрить ее в наигранности, и слегка отстранился.

— Ой, идите и посидите в комнате портье, — сказал он раздраженно. — Когда полиции понадобится, она с вами поговорит, а сейчас вам не следует тут болтаться и распускать сопли. Идите вниз.

Она ушла. На лестничной площадке стояли два или три клерка, и они с любопытством проводили ее взглядами.

